

Памяти четы Бруни

АУКЦИОННЫЙ зал, зал № 2, свернутые матрацы, ломаные стулья, тазы, печки и на этом фоне убожества — яркие пятна полотен Константина Бруни. Вот торчит кусок картины «Карнавал», виднеются худенькие детские руки с серсо, а наверху качается акробатка и это на перевернутом кресле-качалке, в которое Константин Николаевич часто нежно усаживал моего больного мужа (этажи высокие, пока отдышешься, дом состоит из студий, в одной из них жил Гулуз-Лотрек).

Мы жили на одной улице с Бруни и часто в сумерки шли к ним «поболтать». На самом деле говорил один Костя и мы забывали, что сидим в пыльной, неубранной, прокуренной и холодной студии настолько его рассказы были живы любовью к людям, природе, яркие картины врезывались на-

всегда в память. Жили они на Монмартре более 25-ти лет и много было друзей у них среди рабочих, бистровщиков, докторов, лавочников (не они ли составляли толпу вчера на аукционе?).

Константин Николаевич учился в Академии Художеств в России, был очень талантливый портретист; к сожалению, в изгнании сразу стал работать на синема. Его рассказ, как он работал с Мозжухиным на юге Франции, когда они крутили «Казачки», по Толстому, был полон интереса и юмора. Продолжал и для французских постановщиков и... после этого у него самого уже не было удовлетворения от своей работы. Приходилось исполнять заказы «наспех» — букеты, ню, портреты лавочников. Его же любимые темы: маски, красавицы ночные у гадалок, заброшенный мерт-

вый порт и еще всякие таинственные виды, приходилось делать между делом, спроса на это не было, он гордо говорил, что и не хочет продавать эти свои любимые полотна. А вот вчера это хваталось грубыми руками, с какими-то сальными прибаутками, шло неизвестно куда. Цены скакали вверх, вниз по непонятым признакам, м. б. зависело это от величины и сверж лиц будут писаться картины? А акварели уходили охавками, ведь каждая из них делалась с натуры, Костя ходил по улицам Монмартра, когда все еще спят. в 5-6 часов утра с мольбертом и зарисовывал все эти известные уголки, из которых многие уже снесены.

Деньги от продажи пойдут в Мэрию; последнее время Анна Герасимовна Бруни часто лежала в госпитале.

Я просила К. Н. написать мне картину Великие Луки. Это был очередной его рассказ. Он с братьями, все красавцы, как на подбор, много разъезжали на лодке по русским речонкам и вот, однажды, крутой поворот выносит их неожиданно на круглое озеро — синее-синее, кругом сплошь лес зеленый а посередине островок с беленькой часовней. И сейчас это так живо, будто сама была. Нарисовал же он мне гуашью «На погосте»!

Были просветы, были деньги (ненадолго), были поездки по Марне на собственной лодке. Корма ее стояла в углу студии, возле испорченного холодильника, напоминая о прежнем величии. Не она ли вытарчивает там среди перевернутых стульев и мятых подушек... Но сменяются эти счастливые периоды жесточайшим безденежьем, когда действительно есть нечего, и когда на вопрос: «как живете?», ответ «ни шиша!» — быстро делишь пополам все свои капиталы. Все кончается «по стаканчику» в бистро в долг и тут тоже начинаются шутки и смех, где наш красавец, со львиной посадкой головы, всех забивает. Таким же гордым К. Н. шел к налоговому инспектору, после того, как получили они бумажки с предупреждениями всех цветов. И являлся в кабинет к инспектору с вопросом: *C'est vous le méchant loup?* Смотришь, они уже друзья, инспектор приходит к Бруни в гости, рассказывает о своих неладах с женой, К. Н. делает его портрет...

Был Константин Николаевич художник ревнивый, не дай Боже похвалить при нем кого-нибудь, даже жене своей, которую боготворил всю жизнь, не позволял рисовать, а она тоже училась в Академии и, говорят, неплохая была портретистка. Она была из богатой купеческой среды Петербурга, после смерти Кости, вдруг сама начала рассказывать много о своей жизни в отцовском доме и так непохожи были ее рассказы на рассказы наших петербуржан, так оригинальны, что я пошла к ней с магнитофоном. Поздно! Анна Герасимовна скончалась накануне.

И так с выкриками «юсье» и стуком молотка погребалась память о милой, влюбленной друг в друга, паре «старых детей» — Константина и Анны Бруни.

Н. В. Оболенская